

Горохов Павел Александрович

доктор философских наук, профессор
Оренбургского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

**РАЗДУМЬЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ
В ПОВЕСТИ ДЖОЗЕФА КОНРАДА
«СЕРДЦЕ ТЬМЫ» И ТРУДАХ
ФРИДРИХА НИЦШЕ
И ЗИГМУНДА ФРЕЙДА:
ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО
СРАВНЕНИЯ**

Аннотация:

В статье методами историко-философского и культурологического анализа сравниваются мировоззренческие подходы к рассмотрению проблемы добра и зла в человеческой природе, которые можно выявить в повести английского писателя Д. Конрада «Сердце тьмы» и в работах З. Фрейда и Ф. Ницше. Выявлено, что при всем различии в мировоззрении и разнообразии творческих подходов к решению философских проблем взгляды этих мыслителей на природу человека были во многом идентичны. Они исходили из представления о человеке как о дуальном существе, глубинная сущность которого определяется не только привнесенными социальными, но и глубинными природными, биологическими компонентами. Причем социальное в природе человека отнюдь не означает безусловно положительного и благого, а мир природы вовсе не приносит с собой злого начала в человеческую сущность. В мире природы нет зла или добра. Этическую и аксиологическую окраску тому или иному явлению всегда придает сам человек. Основные выводы исследования целесообразно применить в общих и специальных курсах по истории философии и зарубежной литературе.

Ключевые слова:

Д. Конрад, Ф. Ницше, З. Фрейд, добро, зло, биологическое и социальное, этика, аксиология, сверхчеловек, переоценка ценностей, духовность

Gorokhov Pavel Aleksandrovich

D.Phil., Professor, Orenburg branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

**THOUGHTS ABOUT GOOD
AND EVIL IN JOSEPH CONRAD'S
"HEART OF DARKNESS" AND
IN THE WORKS OF FRIEDRICH
NITZSCHE AND SIGMUND FREUD:
AN EXPERIENCE OF HISTORICAL-
PHILOSOPHICAL COMPARISON**

Summary:

The paper examines the main historical-philosophical and worldview parallels that can be found when considering the problem of good and evil in human nature on the example of comparing of J. Conrad's "Heart of Darkness" and the philosophical heritage of S. Freud and F. Nietzsche. It has been revealed that with all the differences in the worldview and the variety of creative approaches to the solving philosophical problems, the views of these thinkers on human nature had been largely identical. These views proceeded from the idea of a person as a dual being, the deep essence of which is determined not only by the introduced social, but also by deep natural, biological components. Moreover, the social in the human nature does not at all mean unconditionally positive and good, and the natural world does not at all bring with it an evil principle into the human essence. There is no good or evil in the natural world. The ethical and axiological coloring of this or that phenomenon is always given by the person himself. The main findings of the study can be used in general and special courses on the history of philosophy and foreign literature.

Keywords:

J. Conrad, F. Nietzsche, S. Freud, good, evil, biological and social, ethics, axiology, superman, revaluation of values, spirituality

Смысл и значение любого философского учения, в том числе и философской составляющей творчества великих писателей, можно понять, лишь учитывая особенности конкретного отрезка истории. Ведь каждое время имеет социальное и духовное измерение. Социальное измерение эпохи составляют сами исторические события, а сущность духовного развития того или иного исторического периода наиболее ярко выражается в различных формах творчества, в частности философского. Карл Маркс верно говорил о гениях, считая, что они «продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях» [1, с. 105].

Творчество писателя Джозефа Конрада (1857–1924) – яркое явление в истории не только английской, но и мировой словесности. Поляк по происхождению, выходец из Российской империи, Конрад освоил английский язык лишь к двадцати годам. И ему удалось не только стать блестящим стилистом, но и мудрым мыслителем, ибо он научился филигранно выражать сложнейшие и актуальные мировоззренческие идеи, в том числе и философские, на языке великого Шекспира. За приключенческой фабулой его повести «Сердце тьмы» скрывается мощный философский подтекст, который и сегодня побуждает к продуктивным размышлениям.

Мировоззрение любого выдающегося писателя непременно имеет определенные философские компоненты, выраженные в большей или меньшей степени ясности. Они могут быть очевидными или пребывать в латентном состоянии. В последнем случае выявление философских идей в творчестве писателей и поэтов может быть непростой задачей, при решении которой неизбежны смысловые потери. Родившийся в глубине поэтической души образ трудно выразить в привычной философской терминологии. Очень часто интуитивная ясность понятия затемняется, будучи втиснутой в прокрустово ложе категориальных определений. И лишь искусство открывает путь для философии как «веселой науки», если вспомнить характеристику Любомудрия, данную Мишелем Монтенем и впоследствии повторенную Фридрихом Ницше в названии его книги «Die fröhliche Wissenschaft». Впрочем, еще провансальские трубадуры пытались совместить в *gai saber*, в своем поэтическом искусстве, силу мудрости и трепетность чувства, ведь и в самой философии смысловой доминантой выступает именно любовь.

Повесть «Сердце тьмы» была написана на рубеже XIX–XX столетий, а годом выхода книжного варианта считается 1902 г. В те годы многие верили, что наступивший XX в. станет эрой мира, прогресса, небывалого роста науки. Мало кто мог предвидеть в то время, что пришедшее столетие станет эпохой двух мировых войн и потрясающих основы индивидуального и социального бытия революций, которые обнажат невиданные прежде проблемы и заставят мыслителей и писателей по-иному взглянуть на проблемы человеческой природы и соотношения в ней социального и биологического, добра и зла. И лишь немногие талантливые мыслители сумели разглядеть в человеческой природе опасные тенденции, в полной мере реализовавшиеся именно в новом столетии.

К исследованию заявленной в настоящей работе проблемы отечественные историки философии не обращались, хотя литература о философии Ф. Ницше и З. Фрейда на сегодняшний день чрезвычайно обширна как в нашей стране, так и тем более за рубежом. Ряд аспектов нашей проблематики косвенно затронуты в книгах И. Гарина «Ницше» [2], А.В. Перцева «Фридрих Ницше у себя дома» [3], Р. Мажора и Ш. Талагран «Фрейд» [4].

Философские взгляды Джозефа Конрада не становились предметом специального научного исследования. Определенный интерес для нашей темы представляют лишь работы Д. Урнова «Джозеф Конрад» [5], книга П. Фирчоу [6] об освещении проблем расизма и колониализма в творчестве Конрада и коллективное исследование «“Сердце тьмы” Конрада и современная мысль» [7].

В этой работе мы сделаем попытку сравнить основные философские представления о добре и зле в природе человека, которые можно вычлени из небольшой повести Конрада, и аналогичные духовные интенции, которые обнаруживаются при внимательном прочтении некоторых трудов двух таких непохожих мыслителей, как Фридрих Ницше (1844–1900) и Зигмунд Фрейд (1856–1939). Такого рода сравнения ранее в историко-философской литературе не принимались. Для достижения поставленной цели мы в рамках этой статьи поставим и поставим решить следующие задачи: 1) выявить общие культурные интенции, обнаруживающиеся у Конрада, Ницше и Фрейда, их генезис и культурно-исторические корни; 2) сравнить взгляды мыслителей на биосоциальную природу человека; 3) проанализировать этические воззрения Конрада, Ницше и Фрейда, их представления о добре и зле в мироздании и человеческой природе.

В конце XIX в. в духовном пространстве эпохи наблюдалась явственная усталость от рационализма предшествующей философии. Возникли многообразные иррационалистические концепции, которые не только вещали о мощи человеческого духа и воли, но и стремились обнажить всю трагичность бытия индивидуума в мире, наполненном трагедиями и несправедливостью.

Прежде всего следует отметить некоторое сходство, бросающееся в глаза даже при самом беглом сравнении Конрада, Ницше и Фрейда как личностей. Фридрих Ницше был не столько «профессиональным» философом, сколько блестящим филологом. А его произведения трудно назвать классическими философскими трудами, но, скорее, философскими поэмами в прозе. Впрочем, творчество таких прекрасных философов, как Бердяев, Шестов, Флоренский, было также ориентировано не только и даже не столько чисто научно, но и прежде всего эстетически.

Философию Ницше порой именуют связующим звеном между традиционной классической философией и Любомудрием XX в. Действительно, без Ницше вся культура ушедшего бурного и страшного столетия была бы иной. Видимо, и вся история XX в. пошла бы по другому пути. Ницше за свою жизнь не удалось испытать приключений в джунглях Африки, но лозунгом своего индивидуального бытия он сделал клич: «Живи опасно!» Судьба этого человека необычна и печальна. Ранний расцвет таланта, профессура, болезнь глаз, сифилис, душевная болезнь и смерть – вот внешние события его биографии.

Ницше считал, что определить личность целиком и полностью, дать ей окончательный вердикт невозможно. Всякая дефиниция пытается поставить мертвые барьеры для животрепещущего бытия реальной жизни. В этом он следовал мыслям своего кумира Гёте, который полагал любую личность настолько безграничной, что достойны лишь осмеяния все попытки классифицировать ее понятийно.

Ницше надеялся, что когда-нибудь в будущем исчезнет современное и печальное деление человечества на тупое стадо, к которому относится большинство индивидов, и небольшое количество Сверхлюдей. В будущем все люди превратятся в таких совершенных людей, но Ницше, разумеется, не ставил точных сроков этого преобразования. Именно такого Сверхчеловека показал, как считают литературные критики, Джозеф Конрад в своей повести.

К сожалению, многие мотивы и сюжеты философского творчества Ницше были тоталитарным образом интерпретированы в германском национальном социализме как А. Гитлером в его программной книге «Моя борьба», так и А. Розенбергом в претендующем на философскую глубину труде «Миф XX века».

Внимательно читая небольшую повесть Конрада, понимаешь, что в ней видно влияние таких работ Ницше, как «Рождение трагедии из духа музыки», «По ту сторону добра и зла», «Антихристианин», «Человеческое, слишком человеческое». В этих программных философских монологах, полных поэтики и страсти, Ницше яростно атакует христианскую мораль, считая ее уделом слабых и досадной помехой для сильных духом индивидов.

И труды австрийского психиатра Зигмунда Фрейда были также знакомы Конраду, как и всякому образованному человеку той эпохи. Фрейд и не стремился к оформлению своих взглядов в систематизированную философию, но прекрасный литературный стиль его работ в сочетании с соответствием «духу времени» принесли этому мыслителю-практику громадную популярность. Как известно, Фрейд начал с лечения истерии, пытаясь найти причину болезни в прошлом пациента. Но анализ психических аномалий, «темной стороны» человеческой природы Фрейд делал порой с мастерством поистине большого художника, анализируя творчество великих мыслителей и писателей в таких работах, как «Царь Эдип и Гамлет», «Моисей Микеланджело», «Достоевский и отцеубийство». Оригинальные размышления о соотношении добра и зла в человеческой природе ученый оставил в интересной работе «Леонардо да Винчи. Этюд по теории психосексуальности».

В работе «Тотем и табу», где Фрейд много рассуждает о первобытном зверстве, свойственном примитивным народам, многое заставляет вспомнить страницы небольшой повести Конрада. Скажем, такой пассаж Фрейда: «Каннибализм примитивных народов имеет высшей своей мотивировкой нечто подобное. Вбирая в себя части тела какого-нибудь лица посредством акта пожирания, усваивают себе также и свойства, которые имелись у этого лица. Отсюда следуют предосторожности и ограничения в диете при исключительных условиях. Женщина во время беременности должна избегать есть мясо определенных животных, потому что таким образом могут перейти к выращиваемому ею ребенку нежелательные свойства, например, трусость» [8, с. 448]. И Конрад, описывая нравы и обычаи дикарей, заставляет читателя ужаснуться их бесчеловечностью и возблагодарить Бога за свою принадлежность к европейской цивилизации. Но все оказывается намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Самого Джозефа Конрада, как и большинство писателей, трудно отнести к «чистым философам». Он, разумеется, не был «профессионалом» в философии. Но Пушкина, Толстого и Достоевского также нельзя считать таковыми, если учитывать только полученное ими образование. Но поэты и писатели творят образы рефлексии над философскими проблемами героев, побуждая своими книгами к продуктивным размышлениям. Если понимать под «профессиональной философией» абстрактное осмысление действительности, выраженное в категориях, тогда ни одного писателя нельзя назвать философом. Но, на наш взгляд, это чрезмерно узкий взгляд на природу философии. Недаром А.Ф. Лосев писал, что «не существует поэта без того или иного философского мировоззрения. Есть философия Пушкина, есть и философия Тургенева. Но как добраться до такой философии? Как ее формулировать?» [9, с. 372].

Идеи, как известно, носятся в воздухе самой эпохи. И философия как уникальная форма человеческой культуры, обладающая чертами науки и искусства, не только сама генерирует мировоззренческие идеи, но и улавливает их из художественного творчества и трансформирует их. И процесс этот взаимный. Скажем, идея Ницше о «белокурой бестии» претерпела столь радикальные трансформации в культуре XX в., что лишь о «приключениях» этой теории Ницше можно написать целые тома. «Готовое слово» в культуре постепенно приобретает черты, которые и не подразумевались его создателями. Так и многие образы Ницше начали индивидуальное философское и культурное бытие.

Джозеф Конрад испытывал неподдельный интерес к философии, стремясь синтезировать философские идеи с собственным жизненным опытом. Если понимать интуицию как способность

непосредственного улавливания и осознания истины, то художникам слова масштаба Конрада она присуща и проявляется в их творчестве. Но в любом творчестве есть тайна, которую стремится разгадать художник. Он как мыслитель, пытающийся приблизиться к постижению тайн бытия, к осознанию природы добра и зла.

И Ницше, и Фрейд, и Конрад искали и находили добро и зло не только в собственных душах, но и в душах других людей. Да, несмотря на всю разницу в мировоззрении и творчестве Ницше, Фрейда и Конрада, духовные параллели между ними нужно и можно найти. Для современных людей, утративших веру в будущее, небесполезным будет вдумчивое обращение к творчеству этих столь разных, но и в то же время чрезвычайно схожих между собой мыслителей.

Разумеется, временами гораздо легче просто читать книгу, не пытаясь погрузиться во внутренних демонов, которыми буруеваемы персонажи. Это верно для объемных романов Достоевского, это верно и для небольшой повести Конрада. В «Сердце тьмы» демоны сами погружаются в читателя. Через всю повесть красной нитью проходит идея контраста между белым и черным, светом и тьмой, добром и злом. Белые люди добывают в сердце черной Африки слоновую кость и полагают, что являются для дикарей-каннибалов носителями цивилизации. Но грань между дикостью и цивилизованностью порой невидима, и считающий себя цивилизованным и культурным человек сам не успевает осознать, как и в какой момент переходит ее. Именно об этом несколько ранее Конрад размышлял и великий Герберт Уэллс в романе «Остров доктора Моро», вышедшем в 1896 г.

Конрад в своей повести озабочен по большей части размышлениями о той мере зла или той мере добра, которые он обнаруживает в своих героях. Психологизм и философичность прозы писателя видны невооруженным глазом, когда он так пишет о таинственном Куртце: «А душа его была одержима безумием. Зброшенная в дикую глушь, она заглянула в себя и – клянусь небом! – обезумела. Мне пришлось – должно быть, в наказание за мои грехи – подвергнуться испытанию и самому заглянуть в его душу» [10, с. 86].

Главный герой повести во время беззаботного путешествия по Темзе и традиционных для викторианской Англии размышлений о «бремени белого человека» рассказывает товарищам историю своего путешествия в самую глубь Африки в поисках таинственного мистера Куртца, который руководит добычей слоновой кости. Это была эпоха глубокой веры в особую цивилизаторскую функцию «белого человека», которую трудно понять в наше время анемичной «толерантности» и безумной политкорректности. С одной стороны, эта вера требовала особой самодисциплины для европейцев, несущих свою культуру слаборазвитым народам земного шара, но с другой – приводила порой к непредсказуемым последствиям. Ныне Европа утратила физическую и духовную силу, а на улицах Лондона и Парижа, Брюсселя и Берлина доминируют толпы африканцев и азиатов, которые не стремятся понять глубины европейской культуры, а одержимы лишь желанием чисто материального благополучия, абсолютно не желая при этом работать для достижения приемлемого уровня жизни.

Можно по-разному относиться к концепции «бремени белого человека», родившейся в Британской империи во второй половине XIX столетия благодаря великому Р. Кипплингу в эпоху королевы Виктории. Но элементы истины в этой концепции есть: англичане несли цивилизацию отсталым и слаборазвитым народам Африки и Азии. Но делали они это чаще всего силовыми и отнюдь не христианскими методами. Многие подданные королевы Виктории всерьез верили, что и Бог – британец. Это нашло свое отражение в литературе и философии англичан.

Вторая половина XIX в. – эра Ницше, время зарождения психоанализа Фрейда. Люди к тому времени устали от чрезмерного рационализма, от того безудержного культа разума, который проповедовали французские и немецкие просветители. В мировом любомудрии зарождалось мощное иррационалистическое течение, сделавшее своим девизом слова великого Гёте: «Не все сущее делится на разум без остатка» [11, с. 395].

Именно величественный образ Гёте оказался значимым для иррационализма в целом. Но для Ницше и Фрейда, а также для европейски образованного писателя Конрада Гёте стал знаковой фигурой, в том числе и в плане понимания соотношения Добра и Зла в мироздании. Гёте полагал, что Добро и Зло являются абсолютно равными противоположными силами в мироздании. Гёте верил, как и Гегель, что не может быть развития без борьбы противоположностей. Зло заставляет человека бороться с ним и человек таким образом сохраняет лучшие свои качества и не расчеловечивается.

Властители дум начинают поднимать в своих книгах темы расизма, страшных и жестоких убийств, разворовывания континента колонизаторами, которые примеряли на себя образ сверхчеловека. Мы не будем пересказывать содержание повести Конрада, отметим лишь, что в опи-

сании ужасов и безумия, с которыми столкнулись люди, искавшие Куртца, писатель был на высоте и показал с мастерством звериную сущность, проявляющуюся не только в дикарях, но в цивилизованном человеке.

Ницше со всей страстностью пророка в работе «По ту сторону добра и зла» нападал на добродетели цивилизации: «Современный вкус и добродетель ослабляют и разжижают волю; ничто не является до такой степенисообразным времени, как слабость воли: стало быть, в идеале философа в состав понятия «величия» должна входить именно сила воли, суровость и способность к продолжительной решимости; на том же основании, как обратное учение и идеал робкой, самоотверженной, кроткой, бескорыстной человечности подходили к противоположному по характеру веку, к такому, который, подобно шестнадцатому столетию, страдал от запруженной энергии воли, от свирепого потока и бурных волн эгоизма» [12, с. 324]. Но все преимущества цивилизации, о которых обычно он не задумывается в нормальной жизни, человек начинает понимать именно среди каннибалов. И о недостатках современной европейской цивилизации тогда забываешь быстро. К такому выводу приходит Конрад.

Ницше призывал к метафорическому идеалу: «Самый великий тот, кто может быть самым одиноким, самым скрытым, самым непохожим на всех, – человек, стоящий по ту сторону добра и зла, господин своих добродетелей, обладатель огромного запаса воли; вот что должно называться величием: способность отличаться такой же разносторонностью, как и цельностью, такой же широтой, как и полнотой». Но спрошу еще раз: возможно ли нынче – величие?» [13, с. 326]. Именно такому идеалу пытается соответствовать Куртц, в душе которого постепенно исчезают последние сомнения в собственной исключительности.

Более того, Ницше в работе «Антихристианин» (по-немецки *Antichrist* означает и «антихрист») выдвинул жуткий тезис о том, что падающего необходимо толкнуть. И это писал человек, которого в детстве за глубокую веру и прекрасное знание Библии называли «маленький пастор». Воистину, Ницше всю свою недолгую жизнь был человеком крайностей. Рабская мораль христианства, по мнению Ницше, губит в человеке все ценное и препятствует рождению сверхчеловека. Добро христианства – ложь, а сама эта религия губит здоровое звериное начало в человеке. Человека Ницше рассматривает часто как биологический организм, в процессе своего развития вырабатывающий все более сложные приспособления к окружающему миру. Человек – прежде всего тело, а интеллект – продукт социального, необходимый для сохранения низших и необходимых инстинктов. Отметим, что раннего Фрейда сближает с Ницше генетический подход к психике, объясняющий явления высшего уровня из связи с явлениями низших уровней.

В повести «Сердце тьмы» Куртц пытается примерить на себя тогу великого человека, «стоящего по ту сторону добра и зла», но в процессе этой кокетливой примерки он начинает терять все человеческое. Конрад вполне по-философски, совмещая мастерство обобщения и способность к конкретике, пишет о дикости, о преобладании биологического и даже чисто звериного в человеке: «Они выли, прыгали, корчили страшные гримасы; но в трепет приводила вас мысль о том, что они – такие же люди, как вы, – мысль об отдаленном вашем родстве с этими дикими и страстными существами» [14, с. 58].

Практически о том же, только другими словами, всегда говорил Фрейд. Биологическая компонента человеческой природы – неотъемлемая ее часть. Ницше считал, что современный человек должен стать сверхчеловеком, а в современной своей ипостаси он больше напоминает животное. Особенно много «шпилек» Ницше, как известно, отпускал именно по поводу немцев. Фрейд поставил во главу угла биологическую компоненту человеческой природы в ее сексуальной ипостаси. Хотя именно последователи Фрейда и создали фрейдизм именно как философское учение.

В своей повести Конрад показал, как Куртц пытается воплотить и реализовать на практике свои собственные представления о сверхчеловеке. Фрейд в книге «Психология масс и анализ человеческого Я» недаром писал, что «первобытной формой человеческого общества была орда, в которой господствовал сильный самец... Человеческие массы опять-таки показывают нам знакомую картину одного всемогущего среди толпы равных сотоварищей, картину, которая имеется и в нашем представлении о первобытной орде. На заре истории человечества он был тем сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь от будущего» [15, с. 818–819].

Куртц действительно производит впечатление если и не сверхчеловека, но индивида, безусловно, талантливого и незаурядного. Необычная среда, в которой он оказался, обнажает в нем животные инстинкты, порой выпуская наружу чисто биологическое. Куртц преуспевает в писательстве, в ораторском искусстве, политике, музыке, рисовании. Уже поэтому в нем есть задатки Сверхчеловека – как его понимал Ницше. Но этот человек подпал под власть низменных инстинктов своей души, он как бы заблудился в собственном психозе. И происходит это отнюдь не потому, что он злодей, а потому именно, что изначально он умен и на редкость чуток.

Образ Куртца заставляет вспомнить и такие рассуждения Ницше: «Воля – это не только комплекс ощущения и мышления, но прежде всего еще и аффект – и к тому же аффект команды. То, что называется “свободой воли”, есть в сущности превосходящий аффект по отношению к тому, который должен подчиниться: “я свободен, “он” должен повиноваться”, – это сознание кроется в каждой воле так же, как и то напряжение внимания, тот прямой взгляд, фиксирующий исключительно одно, та безусловная оценка положения “теперь нужно это и ничто другое”, та внутренняя уверенность, что повинование будет достигнуто, и все, что еще относится к состоянию повелевающего. Человек, который хочет, – приказывает чему-то в себе, что повинует или о чем он думает, что оно повинуется» [16, с. 224].

У Конрада Куртц способен анализировать мельчайшие душевные повороты в себе самом, он может всматриваться в себя и слушать голос собственной души. Куртц обладает гипнотической способностью влиять на свое окружение. Окружающие люди хвалят его на все лады: «он добр», «у него большие планы», «он изменит все». Сила дарований этого человека по праву возвышает его над другими, и она же делает его одиноким.

Вывод Конрада заставляет вспомнить труды Фрейда, в которых он пытается анализировать психику страдающих неврозами пациентов: «Но дикая глушь рано его отметила и жестоко ему отомстила за фанатическое вторжение. Думаю, она шепотом рассказала ему о нем самом то, чего он не знал, о чем не имел представления, пока не прислушался к своему одиночеству, и этот шепот зачаровал его и гулким эхом отдавался в нем, ибо в глубине его была пустота...» [17, с. 128]

Писатели часто заставляют философствовать своих героев. В повести «Сердце тьмы» глубокие мысли о человеческой природе, о сущности добра и зла и их соотношении в бытии высказывает Чарли Марлоу, которого Конрад сделал не просто героем нескольких произведений, но и рассказчиком историй. Видимо, Конрад придал этому герою черты собственной личности, сделав Марлоу личностью, способной понять Куртца и проанализировать глубинные причины его поступков и суть нравственной трансформации.

Марлоу способен понять и оценить Куртца именно потому, что они во многом похожи. Любим европейец, а британец в особенности, мог вполне подвергнуться соблазнам, которые одолели Куртца. Видимо, сам рассказчик понимает, что в схожей – «пограничной», если использовать язык экзистенциалистов, – ситуации он не ни в коей мере не застрахован от повторения действий и поведения безумца, возомнившего себя ницшеанским «сверхчеловеком».

До сих пор неподдельный интерес в повести Конрада вызывает его описание традиций и повадок коренных жителей Африки, аборигенов, с одной стороны, и влияние империи, привнесшей в свои колонии новые правила, с другой. Ярко описан эпизод, когда Марлоу, приехавший за своим коллегой, начинает наблюдать у него – человека с мощным интеллектом – проявление первобытных инстинктов. «Дикая глушь» жестоко мстит Куртцу за фанатическое вторжение. Он начинает терять человеческий облик, превращаясь в подобие туземного божества.

Куртц – человек начитанный и культурный, в свое время бывший автором нескольких статей в защиту ценностей европейской цивилизации. Но этот «культурный слой» оказывается очень слабым, поверхностным, который быстро слетает с его души, обнажая ее таинственные страшные недра. И можно ли осуждать его за это?

Судьба Куртца – внешний план повести. Но Конрад утверждает в ней и другое. То, что подразумевается намного глубже – это жуткий дикарь, который яростно бьет в барабаны, когда видит смерть, у которого буквально бурлит кровь от жестокости. И такой дикарь может быть не обязательно черного цвета кожи. Дикарь этот сидит внутри нас самих и лишь ожидает того момента, когда все накопленные цивилизацией социальные нормы, все условности, весь выдуманный этикет станут ненужными, а то и мешающими факторами. И эти опасности актуализировались в переживаемую человечеством современную эпоху, когда пандемия и угроза возможной ядерной войны между цивилизациями сделали спорным само дальнейшее существование «человека разумного».

Через десять лет после выхода повести Конрада в апреле 1912 г. погибнет гигантский лайнер «Титаник», выжившие пассажиры которого впоследствии рассказывали о том, как быстро во время катастрофы с лощеных джентльменов слетал налет цивилизованности, и они превращались в дикарей, отталкивающих от спасательных шлюпок детей и женщин, ибо были одержимы лишь идеей собственного спасения. В июле 1914 г. разразится Первая мировая война, во время которой истребление людей впервые будет поставлено на научную основу и все сомнительные достижения цивилизации наподобие отравляющих газов будут с размахом применены одними цивилизованными животными против других. Во время Второй мировой войны соплеменники Канта и Ницше будут проводить жуткие медицинские эксперименты на людях (Йозеф Менгеле) и делать абажуры и перчатки из человеческой кожи (Ильза Кох).

Конрад вкладывает в уста своего персонажа мысли о том, так ли тяжело отбросить всю общественную шелуху и стать белым демоном, восседающим на троне, окруженном головами

«мятежников». Да, «Сердце тьмы» и в наше время звучит невероятно жутко и актуально особенно после двух страшных мировых войн. Вообще, каждое произведение Конрада обладает довольно сильным психологизмом. Писатель обнажает потаенные уголки души человека, что в определенной мере сродни идеям не только Ницше и Фрейда, но и экзистенциалистов. Любая катастрофа или явление приобретают символический и философский характер, будь то призрак, тайфун или загадочная тьма непроходимых джунглей.

В повести «Сердце тьмы» в фокусе зрения писателя – зло. Зло внешнее (джунгли, стихия, тьма) становится злом внутренним, первобытным, на уровне инстинктов. Начиная описание с враждебной реки, всех этих жутких воющих аборигенов, автор постепенно смещает акцент на самого Куртца, который является как бы отображением героя Марлоу, его темных уголков души. Не то демон, не то человек, персонаж, подчиняющийся своей воле других людей. Недаром Фрейд много размышлял о «жутком, принудительном характере массобразования» в работе «Психология масс и анализ человеческого “Я”». Вот что Фрейд пишет, в частности, в этой работе: «Жуткий характер массобразования, проявляющийся в феноменах внушения, можно, по праву, объяснить его происхождением от первобытной орды. Вождь массы – все еще праотец, к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета; она жаждет подчинения» [18, с. 830]. Интересно, что впоследствии Адольф Гитлер и Альфред Розенберг много будут рассуждать о том, что масса – это женщина, которой по самой природе предназначено отдаваться сильному человеку.

Думается, что между Марлоу и Куртцем изначально существует связь, притяжение. По мере продвижения вглубь самой темноты она становится все теснее, а после смерти inferнального агента – почти мистической. Куртц, по сути, является антидвойником Марлоу, его сокровенной сущностью. Порой выглядит эта сущность пугающе как властная, способная подчинить не только волю человека, но и даже саму стихию.

В конце повести Конрад как бы подводит итог размышлениям о человеческой природе и своим раздумьям о Куртце: «... Куртц был замечательным человеком. Ему было что сказать. Он это сказал. С тех пор как я сам поглядел за грань, мне понятен стал взгляд его глаз, не видевших пламени свечи, но созерцавших вселенную и достаточно зорких, чтобы разглядеть все сердца, что бьются во тьме» [19, с. 132]. Получается, что смыслом человеческого бытия выступает сама жизнь. К такому главному выводу приходит Конрад. С прекращением биологического бытия заканчивается и индивидуальное существование, но некоторые люди обретают долгое социальное существование после физической смерти, а многие и социальное бессмертие.

Ницше ведь тоже не отрицал философию жизненности, идею первичности жизни как таковой. Потом А. Швейцер назовет такое пафосное отношение к жизни «благоговением перед жизнью». Ницше пытался выразить это метафорами в своих философских поэмах в прозе. Другое дело, что красивый образ Сверхчеловека (сам термин взят из «Фауста» Гёте) был превратно истолкован, причем неоднократно за бурное XX столетие.

Верно отмечает Ортега-и-Гассет: «Открытие имманентных жизни ценностей, совершенное Гёте и Ницше (несмотря на чрезмерно зоологический язык последнего) было гениальным предвидением будущего, событием огромного значения – открытием этих ценностей, мироощущением целой эпохи. Провиденная, возвещенная гениальными авгурами эпоха наступила – это наша эпоха» [20, с. 467].

Фрейд писал в работе «Психология масс и анализ человеческого “Я”» о роли социального в человеке: «В сущности, только общество является тем, что предписывает человеку нормы его нравственности, отдельный же человек, как правило, от этих высоких требований каким-то образом отстает» [21, с. 782].

Но схожие мысли можно выразить и на языке художественной прозы, что и было сделано Джозефом Конрадом в повести «Сердце тьмы». Конрад понимал, равно как Ницше и Фрейд, что человека отделяет порой от зверства собственной природы лишь слабый налет так называемой цивилизации. Биологическое само по себе не было злом для Конрада, скорее, он считал, что именно пороки социальности необратимо деформируют человеческую природу. Две стороны одной человеческой природы: социальное и биологическое, равно как добро и зло, порой не поддаются однозначным понятийным определениям.

Добро и зло тесно уживаются как в человеческой природе и социуме, так и во всех социальных институтах. Несмотря на то, что мораль – понятие историческое, есть некие фундаментальные этические константы, нарушая которые человек перестает быть человеком. Грань между цивилизованностью и дикостью очень тонка, порой она вообще эфемерна. Если в ушедшем XX столетии граждан цивилизованных стран часто «освобождали от химеры совести» (слова, приписываемые Адольфу Гитлеру), то что тогда говорить о странах нецивилизованных,

далеких от европейской культуры? Европейец и черный каннибал по-разному понимают слово «гуманизм». Для мыслящего европейца человек – наивысшая ценность бытия, а для людоеда в тропическом Конго – лишь лакомое блюдо в меню.

Ведь природа сама по себе ни добра, ни зла. Цунами или извержение вулкана считаются злом лишь сквозь призму человеческого восприятия. Но человек научился частично использовать мощь природы и законы ее бытия во вред себе подобным. И если в XXI столетии возникнет новое естествознание, свободное от ошибок прошлого, то оно обязательно должно быть этически ориентировано. Без моральной опоры и аксиологического компаса человечество неминуемо погибнет. Природа сама по себе является величайшей ценностью, данной человеку, а потому ее познание должно быть подлинно гуманистическим. Человек – не царь природы, а лишь мыслящий инструмент, созданный самой природой для самопознания. И если этот инструмент сломается (скажем, если разумный антропный принцип обернется манией величия), то последствия могут быть необратимыми. Будем надеяться, что современным естествоиспытателям хватит рассудка и разума не допустить этого.

Духовные интенции, выраженные в своих творениях такими несхожими между собой людьми, как Конрад, Ницше и Фрейд, были во многом схожи. Сказалась общность исторического времени. В человеке сочетаются добро и зло, природа дикого зверя и невиданные взлеты духа. Да, пленка цивилизации на поверхности социального моря очень тонка, поэтому человеку приходится прикладывать порой колоссальные усилия, чтобы не превратиться в животное.

Зло многолико. И так называемый цивилизованный человек зачастую ничем не отличается в своей глубинной сущности от дикаря Центральной Африки. Цивилизация должна быть внутри, а не снаружи человека. Конрад недаром не без горькой иронии обращается к читателю: «Как же можете вы себе представить, в какую тьму первобытных веков забредет свободный человек, вступивший на путь одиночества – полного одиночества, без полисмена, – на путь молчания, полного молчания, когда не слышно предостерегающего голоса доброго соседа, который нашептывает вам об общественном мнении? Все эти мелочи и составляют великую разницу. Когда их нет, вы должны опираться на самого себя, на свою собственную силу и способность соблюдать верность. Конечно, вы можете оказаться слишком глупым, чтобы сбиться с пути, слишком тупым, чтобы заметить обрушившиеся на вас силы тьмы. Я считаю, что никогда ни один глупец не продавал своей души черту: либо глупец оказался слишком глупым, либо в черте было слишком много чертовщины» [22, с. 101].

Думается, что под каждым словом вышеприведенной цитаты можно подписаться и сегодня, спустя сто с лишним лет после написания повести «Сердце тьмы». «Собственные силы» человека порой слишком слабы, чтобы удержать его от превращения в животное. И это не может не побуждать не только к плодотворным размышлениям, но и активному действию по самосовершенствованию.

Итак, в этой работе мы показали, что при всем различии в мировоззрении и разнообразии творческих подходов к решению философских проблем взгляды этих мыслителей на природу человека были во многом идентичны. Эти взгляды исходили из представления о человеке как о дуальном существе, глубинная сущность которого определяется не только привнесенными социальными, но и глубинными природными, биологическими компонентами. Причем социальное в природе человека отнюдь не означает нечто аффирмативно положительное, а мир природы вовсе не привносит с собой злого начала в человеческую сущность. В мире природы нет зла или добра. Аксиологическую, ценностную окраску тому или иному явлению всегда придает сам человек.

Именно творчество таких писателей, как Джозеф Конрад, и таких мыслителей, как Фридрих Ницше и Зигмунд Фрейд, обладавших прекрасным литературным талантом, дало на заре наступающего XX столетия новые, ставшие воистину пророческими, ориентиры для более трезвого понимания человеческой природы, лишённые просветительских иллюзий. В этом заключается главный тезис нашей работы.

Думается, что хотя Джозеф Конрад, Фридрих Ницше и Зигмунд Фрейд и лишили во многом философию просветительских иллюзий, но зато позволили более объективно взглянуть на добро и зло в природе человека.

Ссылки:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 1: 1839–1844 гг. М., 1955. 700 с.
2. Гарин И.И. Ницше. М., 2000. 842 с.
3. Перцев А.В. Фридрих Ницше у себя дома: опыт реконструкции жизненного мира. СПб., 2009. 477 с.
4. Мажор Р., Талагран Ш. Фрейд / пер. с франц. Е.В. Колодочкиной. М., 2014. 273 с.
5. Урнов Д.М. Джозеф Конрад. М., 1977. 127 с.
6. Firchow P. Envisioning Africa: Racism and Imperialism in Conrad's 'Heart of Darkness'. Lexington, 2000. 288 p.

7. Lawtoo Nidesh, ed. Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought: Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe. L., 2012. 256 p.
8. Фрейд З. «Я» и «Оно» : сборник. М., 1999. 1040 с.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000. 624 с.
10. Конрад Д. Сердце тьмы и другие повести. СПб., 2012. 352 с.
11. Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. 553 с.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения : в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна [и др.]. М., 1990. С. 324. 829 с.
13. Там же. С. 326.
14. Конрад Д. Указ. соч. С. 58.
15. Фрейд З. Указ. соч. С. 818–819.
16. Ницше Ф. Указ. соч. С. 224.
17. Конрад Д. Указ. соч. С. 128.
18. Фрейд З. Психология масс... С. 830.
19. Конрад Д. Указ. соч. С. 132.
20. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: Избранные труды. М.: Искусство, 1991. 588 с.
21. Фрейд З. Указ. соч. С. 782.
22. Конрад Д. Указ. соч. С. 101.

Редактор: Грицай Екатерина Анатольевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович